

О НАХОДКЕ СОСУДА С ГРАФФИТИ В МАРИУПОЛЕ⁵

В статье рассматриваются материалы из погребения хазарского времени, обнаруженного на территории г. Мариуполя, в котором находился сосуд с прочерченными на поверхности знаками (крест и фигура, напоминающая семисвечник).

Указанные знаки несли охранную функцию и были прочерчены гончаром, который, наиболее вероятно, был язычником. По мнению авторов, сосуд из погребения, обнаруженного на территории Мариуполя, является ценным свидетельством, отражающим сложный процесс распространения в VIII–IX вв. на территории Хазарии монотеистических верований. Основным объектом деятельности проповедников стало население городов. В среде кочевого населения и жителей поселений, находящихся на окраинах каганата язычество задержалось еще на многие столетия, иногда выступая в своем чистом виде, а иногда приобретая причудливые формы, граничащие с двоеверием. Исследованное погребение несколько выделяется из ряда подобных захоронений хазарского времени – хазары как правило не практиковали погребение усопших в глубоких ямах. В данном же случае глубина захоронения превышает 2 м. Благодаря сохранившимся фрагментам аббасидских дирхемов и подвесок удалось датировать погребение временем не ранее 1-й пол. IX века. В целом, рассматриваемое нами захоронение датируется временем, когда в Хазарском каганате произошли серьезные потрясения, затронувшие сферу идеологических представлений населения. Следы распространения монотеизма в настоящее время четко фиксируются лишь в областях с давними традициями оседлости, непосредственно граничащими с Византией и Халифатом.

Ключевые слова: хазарское время, погребение, сосуд, монотеистические верования, иудаизм, христианство, язычество, двоеверие.

В июне 1989 г. в г. Мариуполе, при прокладке траншеи на территории Прокатного стана 3000 ОАО «Металлургический комбинат им. Ильича» были обнаружены кости, керамический сосуд и группа вещей. О находке строители сообщили в Мариупольский краеведческий музей. Осмотр местонахождения показал, что погребальный комплекс был полностью разрушен. Сотрудникам экспедиции, выехавшей для осмотра объекта, строители передали остатки погребального инвентаря: разбитый сосуд, фрагменты бронзового зеркала, медную цепочку сложного плетения и два дирхема. Среди костей четко определялись лишь останки человека. Были ли при этом кости коня или других животных, не ясно. Информация о погребении, обнаруженном на стане «3000», нашла отражение лишь в небольшой заметке, опубликованной в местной газете. Тем не менее, указанный комплекс интересен, несмотря на то, что дошел в разрушенном виде.

Случайный характер находки, отсутствие на поверхности к моменту осмотра каких-либо четко различимых следов курганной насыпи, дали основание первоначально отнести указанное погребение к категории грунтовых захоронений, в связи с чем, при составлении свода курганов, исследованных на территории Донецкой обл. [Свод данных..., 2004, с. 56–110], указанный комплекс не был учтен. Тем не менее, анализ имеющихся в распоряжении данных свидетельствует в пользу того, что указанное захоронение относится к числу курганных.

⁵ Публікацію взято з видання: Археологический альманах : сб. ст. / гл. ред. А. В. Колесник. – Донецк : Лебедь, 2010. – № 21. Изобразительное искусство в археологическом наследии. – С. 386–395.

Погребение, без сомнений, представляло собой труположение (на предметах, входящих в состав инвентаря, а также на костях человека отсутствуют следы огня). Не вызывает сомнений и отношение захоронения к хазарскому времени (в составе инвентаря присутствуют монеты). При этом, на северном берегу Азовского моря ныне известна значительная группа памятников этого периода, тем не менее, грунтовые могильники, близкие кладбищам сопровождающим поселения салтово-маяцкой культуры, здесь не зафиксированы. Последнее, вряд ли, связано с недостаточной изученностью данного региона, в пользу чего свидетельствует факт обнаружения здесь грунтового могильника золотоордынского времени [Евглевский, Кульбака, 2003]. По всей видимости, этот тип раннесредневековых некрополей просто не характерен для рассматриваемой территории. Обращает внимание и то, что рядом с погребением не было выявлено других могил, которые, вне сомнений, присутствовали, если бы на этом месте располагался грунтовой могильник. Следует добавить, что погребение было обнаружено на глубине превышающей 2 м, в то время, как на грунтовых могильниках салтово-маяцкой культуры, глубокие ямы встречаются довольно редко [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, рис.2–20; Копыл, Татаринов, 1990, с. 62, 63; Швецов, Санжаров, Прынь, 2001, с. 333–334; 338–342; Татаринов, Федяев, 2001, рис.2; Красильников, 1991; 1990, с. 29; Плетнева, 1989, с. 256]. Они известны лишь на нескольких некрополях (Нетайловском [Жиронкина, Цитковская, 1996, с. 365–366], Красногоровском [Михеев, 1990, с. 46], Крымском [Савченко, 1986, с. 99–101]), где, наряду с ними, присутствуют и погребения, с меньшей глубиной могильных ям.

Не соответствует грунтовому могильнику и топографическое расположение погребения. Участок, на котором оно было обнаружено (рис.1, Б), находится на левом берегу реки Кальчик, довольно далеко от ее русла и высоко над уровнем воды. Облик местности, ныне сильно измененный земляными работами, восстанавливается по старым картам (рис.1, А).

Здесь видно, что погребение располагалось на краю или в верхней части водораздела между двумя крупными балками – Митрополитской и безымянной⁶.

Датировка комплекса определяется по его материалу, среди которого присутствуют два аббасидских дирхема⁷. Один из них (рис.2, 1) имеет плохую сохранность. Это разбитый на шесть частей обломок, общий размер которого составляет в пределах 2/3 целой монеты. В связи с потертостью, надписи на этом экземпляре видны плохо. В.П. Лебедев обратил внимание на характерный желтоватый цвет, объяснив это, то ли воздействием огня, то ли золочением монеты. Последнее представляется наиболее вероятным. Из надписей на монете читается лишь название города, где она была выпущена – Мадинат ас-Салам (Багдад). Вторая монета (рис.2, 2) хорошо сохранилась. Она немного потерта и, по всей видимости, какое-то время находилась в обращении. На лицевой стороне, в поле, имеется горизонтальная прямая линия, прочерченная острым предметом. У края поля есть овальное отверстие, свидетельствующее, что дирхем использовался в качестве подвески. Согласно определению В.П. Лебедева, он также был чеканен в Багдаде в 156 г. Х. (772/773 гг.). Наличие следов золочения на одной монете и отверстия на другой свидетельствуют об использовании их в качестве украшений.

⁶ Авторы приносят благодарность сотрудникам Мариупольского краеведческого музея: гл. хранителю фондов Л.С. Якущенко, реставратору А.В. Ладкину за помощь в подготовке материалов к публикации. Особенно благодарим с.н.с. Мариупольского музея Л.И. Кучугуру, которая провела большую работу с целью локализации точного места расположения археологического комплекса.

⁷ Благодарим В.П. Лебедева за определение монет из археологического комплекса.

А

Б

Рисунок 1 А, Б – Мариуполь и его окрестности. Значком (*) показано место обнаружения захоронения.

Деталью украшения являлась и медная цепочка (длина сохранившейся части 4,5 см), состоящая из 14 соединенных друг с другом колец, имеющих диаметр 0,9 и

0,6 см (толщина проволоки до 0,1 см). Характер плетения был следующий. Четыре крупных кольца были соединены в простую цепочку. Далее маленькие колечки скрепляли между собой по 2–3 больших (рис.2).

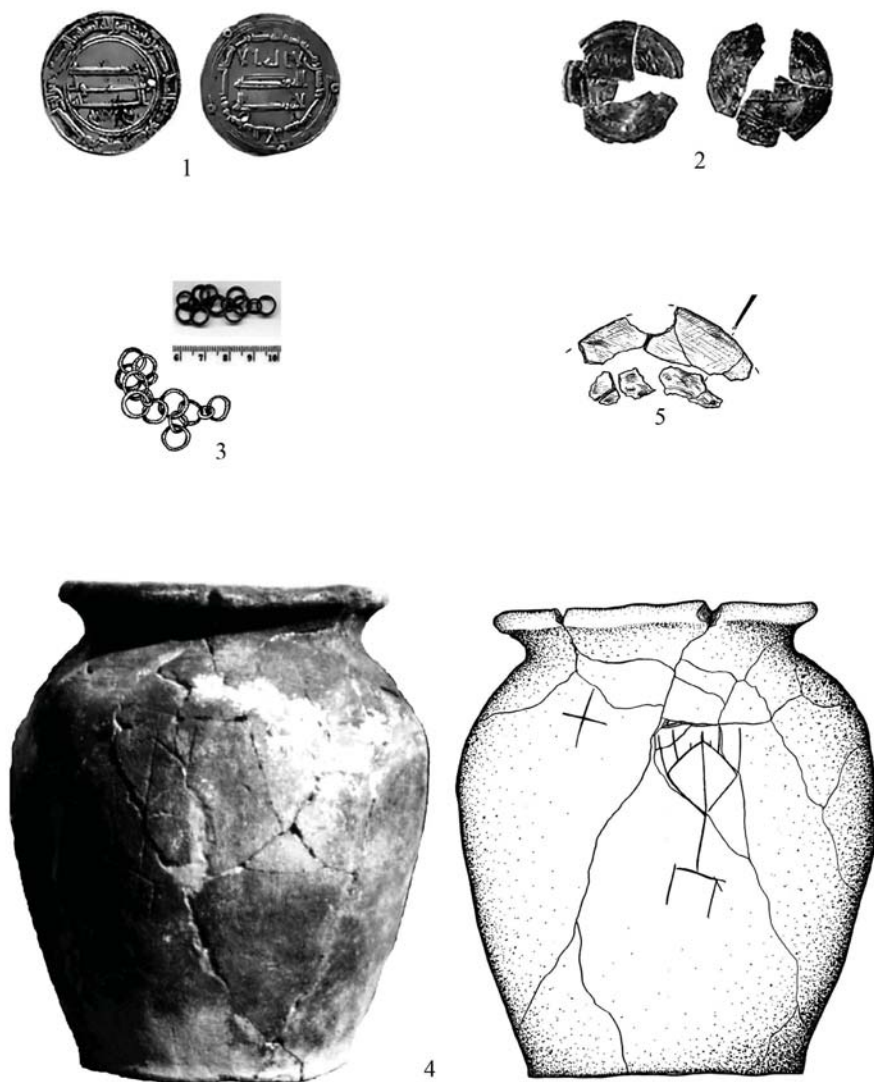

Рисунок 2 – Предметы из захоронения на «Прокатном стане 3000» (Мариуполь).

Зеркало. Сохранился относительно крупный фрагмент края, состоящий из двух частей (рис.2, 3) и серия мелких обломков. Зеркало было изготовлено из медной пластины, толщиной до 1 мм. Гладкие лицевая и обратная стороны предмета лишены какого-либо орнамента. Внешний его край не ровный. В месте соединения двух крупных кусков имеется сегментообразный выкол, что может свидетельствовать о наличии здесь ранее ручки или заменяющего ее небольшого выступа. Несмотря на то, что большая часть зеркала утрачена, сохранившиеся его части позволяют получить представление об его форме и диаметре (не более 10–12 см). Зеркала подобного типа известны в раннесредневековых древностях хазарского времени. Им была посвящена отдельная работа, где указывалось, что подобный тип зеркал более характерен для курганных погребений [Иванов, Копылов, 2001, с. 129].

Особый интерес представляет найденный в захоронении *сосуд* – профилированный горшок с невысокой шейкой, резко отогнутым наружу венчиком и покатыми плечиками, плавно переходящими в корпус, завершающийся относительно широким дном. Сосуд был изготовлен из теста с большой примесью мелкозернистого песка. Его поверхность имеет темно-серый цвет с желто-серыми пятнами. На изломе черепок почти черный. Наружная поверхность сосуда сглажена и не несет дополнительной орнаментации. На корпусе присутствуют два расположенных рядом знака, прочерченных по сырой глине, до обжига. Один из них представляет равноконечный крест, а другой – сложную фигуру, в основе которой лежит ромб (рис.2, 4–5). Характер обработки стенок и слабо выраженная закраина у дна свидетельствует, что горшок был вылеплен от руки с последующей подправкой на круге с малыми оборотами. Горшки близкой формы известны на поселениях степного “болгарского” варианта салтово-маяцкой культуры. К.И. Красильников относит их к степному варианту лепной посуды, датируя VIII в. [Красильников, 2001, с. 312, рис.7, 1]. Фрагменты горшков с таким же тестом и близким цветом внешней поверхности довольно часто встречаются в Северном Приазовье (как на кочевьях, так и на стационарных поселениях). В целом же, данный сосуд близок лепной керамике поселений салтово-маяцкой культуры, несколько отличаясь от нее своими пропорциями, а также тем, что он имеет подправку на круге и, по всей видимости, был уже продуктом гончарного производства.

Без сомнений, монеты, обнаруженные в рассматриваемом погребении, не дают точной его датировки т.к. на территории Восточной Европы срок нахождения в обращении дирхемов Халифата был продолжительным. В пользу этого свидетельствует разница между датами выпуска младшего и старшего экземпляров куфических монет в восточноевропейских кладах [Кропоткин, 1971, с.78, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 90, 91]. Учитывая факт использования этих монет в качестве подвесок, можно продлить срок их бытования на более длительный промежуток времени [Берга, 1988, с. 62]. Таким образом, находка дирхемов представляет интерес не столько в плане датировки комплекса, сколько благодаря тому, что в рассматриваемом регионе она является первой. Все известные ныне находки куфических монет VIII–X вв. сосредоточены восточнее, в бассейне Северского Донца и на Нижнем Дону [Крыганов, 2001, с. 350; Спесивцев, 1905, с. 155–156; Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 139; Михеев, 1985, с.19; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 249–250, рис.35; Кравченко, 2003, с.25, фото.22–23; Красильников, 2001, с.318; Швецов, Кравченко, 1989, с.27].

В целом, топографическое расположение комплекса и его характерные особенности свидетельствуют, что погребение, обнаруженное на территории стана “3000”, представляло курганное захоронение хазарского времени. Учитывая степень потертости монет-подвесок, можно с уверенностью датировать этот комплекс временем не ранее I-й пол. IX века.

Особый интерес представляет сосуд с прочерченными на поверхности знаками – равносторонним крестом и сложной фигурой. Изображение креста встречается на сосудах разных времен, в том числе и на керамических изделиях салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1959, с. 235, рис.18, 19, 23; Parchomenko, 1990, S.293, Taf.4, 8, 6, 6; Кравченко, 2003; 2004]. Расположение подобных изображений на внутренней стороне венчика или у основания ручки свидетельствует, что они несли охранительную нагрузку. Этнографически подобный обычай фиксируется на территории Украины, где гончары вплоть до XX в. иногда ставили кресты на горлышках и стенках сосудов, с целью воспрепятствовать проникновению внутрь горшка вредоносных сил [Пошивайло, 1993, с. 270]. Для украинского гончара, крест был священным символом, напрямую связанным с его религией – христианством. Сложнее обстоит вопрос с крестами на керамике салтово-маяцкой культуры. Гончар, ставящий этот знак, мог

быть как христианином, так и язычником. Тем не менее, относительно частое использование из охранных символов именно креста, по нашему мнению, вполне может свидетельствовать и о проникновении каких-то христианских воззрений в среду населения Хазарии (что зафиксировано, как историческими, так и археологическими источниками).

Реально предположить, что и второй рисунок, расположенный рядом с крестом, имел сакральное значение. К сожалению, состояние этого изображения не очень хорошее. Верхняя его часть врезана неглубоко и потерта. В районе граффити горшок был разбит на множество обломков, причем в отдельных случаях трещины, совпавши с контурами изображения, повредили рисунок. Тем не менее, рисунок читается. В его основе лежит равносторонний ромб, от нижней части которого отходит вертикальная линия, завершающаяся П-образной подставкой. От верхних плоскостей и центра ромба отходят вертикальные черточки, возвышающиеся над его вершиной. Они расположены симметрично с обеих сторон фигуры. С левой стороны видно две длинных и одна более короткая линии. С правой – четко прослеживается две, и едва заметен фрагмент третьей. Судя по общему, симметричному, характеру изображения, их и с этой стороны также было три. Короткая линия отходит и от вершины ромба. Таким образом, четко прослеживаются шесть вертикальных черточек, отходящих вертикально от верхней части ромба, и слабо видны контуры седьмой. Описанное изображение не находит прямых аналогов ни среди тамгообразных знаков сарматского времени [Яценко, 2001], ни среди знаков на раннесредневековой керамике Крыма и Подонья [Плетнева, 1959; Щербак, 1959; Якобсон, 1979]. Остановимся на рассмотрении этого знака детально. Нижняя П-образная его часть напоминает изображение основания, подставки. На различных христианских символах на подставке, П-образной, или фигурной, изображался крест. И в том и в другом случаях они символизировали Голгофу. В нашем случае подставка вертикальным стержнем связана с ромбом, от которого отходят вертикальные черточки. Следует сказать, что в культовой практике различных религий применялись и применяются многоствольные светильники. По нашему мнению, вторая фигура, прочерченная на сосуде, изображает подобный светильник с семью свечами. Наиболее близкое сходство она имеет со священным иудейским символом – менорой, отличаясь от классического ее изображения формой подставки, обычно представляющей треножник.

Таким образом, на сосуде изображено два символа, которые несли охранительную функцию. Присутствие их не означает, что мастер, изготовивший сосуд, был христианином или иудеем. Более того, человек, строго придерживающийся постулатов той или иной из перечисленных выше религий, вряд ли поместил бы два этих символа вместе. Напротив, гончар вполне мог быть, как язычником, изобразившим на сосуде знакомые ему священные символы, так и монотеистом, имеющим слабое представление о недавно принятой им религии. Отдаленность степных поселений Северного Приазовья от центральных регионов государства, где в основном и велась проповедь, вполне могла способствовать слабому знанию живущими здесь неопитами подобных религиозных нюансов. Так было на этой территории и в последующее время. Несколько столетий спустя, при выезде из степного Крыма, Рубрук встретил православных ассов, которые были христианами лишь по имени. По крайней мере, согласно сообщению этого автора, об основных положениях христианской веры они имели смутное представление [Рубрук, 1957, с. 106]. Подобная картина характерна и для территории Северного Кавказа, где на протяжении многих столетий наблюдалось мирное сосуществование господствующей религии и различных языческих верований [Чеченов, 1987, с. 77–79; История народов Северного Кавказа, 1998, с. 178; Кулаковский, 2000].

В целом, рассматриваемое нами захоронение датируется временем, когда в Хазарском каганате произошли серьезные потрясения, затронувшие сферу идеологических представлений населения. В течении VIII – начала IX в. в городах Хазарии шел процесс постепенного распространения монотеистических религий, завершившийся принятием иудаизма верхушкой хазарского общества. Этот процесс активизируется в IX в., когда в среде городского населения начинается активное распространение ислама. По мнению М.И. Артамонова, внутренняя смута, потрясшая хазарское государство в этот период и вызвавшая перемещение с территории каганата части населения, была вызвана именно реформами в религиозной сфере [Артамонов, 2001, с. 324–329].

Исследователи, занимающиеся вопросами распространения монотеистических религий среди населения Хазарского каганата, неоднократно обращали внимание на то, что этот процесс был очень медленным и не успел завершиться. Следы распространения монотеизма в настоящее время четко фиксируются лишь в областях с давними традициями оседлости, непосредственно граничащими с Византией и Халифатом [Магомедов, 1983, с. 155–174; Кузнецов, 1962, с. 128–129]. Исключением является группа поселений в среднем течении Северского Донца [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 233–234; Красильников, 2001, с. 318–320]. Тем не менее, прилегающие к этим памятникам мусульманские могильники, датируются относительно поздним временем в рамках салтово-маяцкой культуры – 2-й пол. IX – 1-й пол. X в. [Кравченко, 2005б]. При этом, на прилегающих к ним поселениях четко фиксируются следы совершения языческих обрядов какими-то группами населения [Кравченко, Давыденко, 2001, с. 236–237, рис. 4–5]. Показательным является тот факт, что из памятников эпиграфики на этих поселениях пока известны только две надписи, выполненные кубанским руническим письмом [Кызласов, 1994, с. 273–274; Кляшторный, 1979; Кравченко, 2005а, с. 211–213, рис. 9, 1].

Еще более сложным представляется вопрос об археологической фиксации каких-либо следов распространения иудаизма в Хазарии. Здесь разница между сообщениями исторических источников и подтверждающими их археологическими данными поистине разительна [Флёров, 2002, с. 93–96].

На территориях, отстоящих далеко от центральных регионов государства и оживленных торговых магистралей, а тем более, в кочевой степи, существенных изменений не происходило. В то время, как в крупных центрах Хазарии кипели страсти и шли религиозные диспуты о приоритете той или иной веры, гончар на далеком поселении, затерявшемся на окраине каганата, в степях Северного Приазовья, вырезал на стенке сосуда известные ему священные символы. Он ставил при этом конкретные цели, обусловленные его миропониманием, если и затронутым влиянием монотеистических верований, то затронутым поверхностно.

Таким образом, сосуд с изображениями из погребения, обнаруженного на территории г. Мариуполя, является ценным свидетельством, косвенно отражающим сложный процесс распространения в VIII–IX вв. на территории Хазарии монотеизма. В любом случае, основным объектом деятельности проповедников стало население городов и крупных населенных пунктов, которые располагались на торговых путях, проходящих через территорию каганата. В самую же последнюю очередь религиозные нововведения коснулись кочевников и жителей небольших поселений, находящихся на степных окраинах Хазарии. Здесь язычество задержалось еще на многие столетия, иногда выступая в своем чистом виде, а иногда приобретая причудливые формы, граничащие с двоеверием.

Список использованной литературы

Артамонов, 2001: Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – СПб. : Лань, 2001. – 688 с.

Берга, 1988: Берга Т.М. Монеты из археологических комплексов Латвии / Т. М. Берга. – Рига : Зинатне, 1988. – 101 с.

Евглевский, Кульбака, 2003: Евглевский А. В. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья / А. В. Евглевский, В.К. Кульбака // Степи Европы в эпоху средневековья.– Донецк, 2003. – Т.3. – С.350–382.

Жиронкина, Цитковская, 1996: Жиронкина О.Ю. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника / О.Ю. Жиронкина, Ю.О. Цитковская // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара, 1996. – С. 353–368.

Иванов, Копылов, 2001: Иванов А.А. Бронзовые зеркала из раннесредневековых подкурганых погребений Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья / А.А. Иванов, В.П. Копылов // Донская археология. – № 3/4. – Ростов н/Д., 2001. – С. 126–130.

История народов Северного Кавказа: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. – М. : Наука, 1988. – 584 с.

Кляшторный, 1979: Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки / С.Г. Кляшторный // СА. – 1979. – № 1. – С. 273–274.

Копыл, Татаринев, 1990: Копыл А.Г. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедончья / А. Г. Копыл, С. И. Татаринев // Протоболгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 52–71.

Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998: Кравченко Э.Е. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца / Э. Е. Кравченко, О. А. Гусев, В.В. Давыденко // Археологический альманах. – Донецк, 1998. – № 7. – С.113–140.

Кравченко, Давыденко, 2001: Кравченко Э.Е. Сидоровское городище / Э. Е. Кравченко, В.В. Давыденко // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2001. – Т.2. – С.233–302.

Кравченко, 2003: Кравченко Э.Е. Отчет о работах средневековой археологической экспедиции Донецкого национального университета в полевой сезон 2003 г. на Сидоровском археологическом комплексе / Э. Е. Кравченко // НА ИА НАНУ. – № 2003/10. – 25 с.

Кравченко, 2005а: Кравченко Э.Е. Исследования хозяйственного объекта на археологическом комплексе у с.Сидорово в среднем течении Северского Донца / Э. Е. Кравченко // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. – Слов'янськ, 2005. – С. 208–222.

Кравченко, 2005б: Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время / Э. Е. Кравченко // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2005. – Т. 4. – С. 153–186.

Красильников, 1991: Красильников К. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце / К. Красильников // Проблеми на прабългарската история и култура. – София : Аргес, 1991. – Т. 2. – С. 62–81.

Красильников, 2001: Красильников К. И. Новые данные об этническом составе населения Степного Подончья / К. И. Красильников // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2001. – Т. 2. – С. 303–322.

Кропоткин, 1971: Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе / В. В. Кропоткин // Нумизматика и эпиграфика. – М. : Наука, 1971. – Т. 9. – С. 75–162.

Крыганов, 2001: Крыганов А. В. Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры – остатки древнего хазарского города / А. В. Крыганов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2001. – Т. 2. – С. 347–258.

Кузнецов, 1962: Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа / В. А. Кузнецов // МИА. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – № 106. – 133 с.

Кулаковский, 2000: Кулаковский Ю.А. Христианство у алан / Ю.А. Кулаковский // Избранные труды по истории аланов и Сарматии. – СПб. : Алетейя, 2000. – С. 165–192.

Кызласов, 1994: Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей / И. Л. Кызласов. – М. : Восточная л-ра РАН, 1994. – 326 с.

Магомедов, 1983: Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата / М. Г. Магомедов. – М. : Наука, 1983. – 225 с.

Михеев, 1985: Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата / В.К. Михеев. – Х. : Изд. ХГУ, 1985. – 147 с.

Михеев, 1990: Михеев В.К. Погребальный обряд Красногоровского могильника салтово-маяцкой культуры / В.К. Михеев // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С.45–71.

Плетнева, 1959: Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи / С.А. Плетнева // МИА. – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1959. – № 75, т. 2. – С. 212–272. Плетнева, 1989: Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

Пошивайло, 1993: Пошивайло О. Етнографія українського гончарства / О. Пошивайло. – Полтава, 1993. – 356 с.

Рубрук, 1957: Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны: пер. с лат. / Г. де Рубрук // Путешествие в восточные страны П.Карпини и Г.Рубрука. – М. : Географиздат, 1957. – 195 с.

Савченко, 1986: Савченко Е. И. Крымский могильник / Е. И. Савченко // Археологические исследования на новостройках. – М. : Наука, 1986. – Вып. 1. – С. 70–101.

Спесивцев, 1905: Спесивцев В. Находки в Райгородке / В. Спесивцев // Труды XII АС. – М., 1905. – Т. 1. – С.153–157.

Татаринов, Федяев, 2001: Татаринов С.И. Новые раннеболгарские погребения из могильника Дроновка-3 (Лиманское озеро) / С. И. Татаринов, С.В. Федяев // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2001. – Т. 2. – С. 365–374.

Свод данных...,2004: Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX в. / А. Н. Усачук, Ю. Б. Полидович, В. В. Цимиданов, Р. А. Литвиненко // Курганы Донбасса. Археологический альманах.– Донецк, 2004. – Вып. 14. – С. 13–55.

Флёров, 2002: Флёров В.С. Иудаизм в Хазарии. Где и что искать / В.С. Флёров // Хазары. Тезисы докладов Второго международного коллоквиума. – М., 2002. – С. 93–96.

Чеченов, 1987: Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / И.М. Чеченов // Новые материалы и исследования по средневековой археологии Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1987. – Т.3.– С. 64–98.

Швецов, Кравченко, 1989: Швецов М.Л. Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с.Маяки и пос.Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г. / М.Л. Швецов, Э.Е. Кравченко // НА ИА НАНУ. – 1989/249. – С. 24.

Швецов, Санжаров, Прынь, 2001: Швецов М.Л. Два новых сельских могильника в Подонцовье / М.Л. Швецов, С.Н. Санжаров, А.В. Прынь // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2001. – Т. 2. – С. 333–346.

Щербак, 1959: Щербак А.М. Знаки на керамике и кирпичях Саркела – Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов) / А.М.Щербак // МИА – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1959. – № 75, т.2. – С. 362–414.

Якобсон, 1979: Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики / А.Л. Якобсон. – Л. : Наука, 1979. – 164 с.

Яценко, 2001: Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья / С.А.Яценко. – М., 2001. – 158 с.

Parchomenko, 1990: Parchomenko O.V. Die Keramik der Saltovo-Kultur am oberen lauf des Don / O. V. Parhomenko // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten (Hg. Cs.Balint) // Varia archaeologica Hungarica. III. – Budapest, 1990. – P. 291–312.

E. E. Kravchenko, V. K. Kulbaka

THE FINDS OF VESSELS WITH THE GRAFFITI INCISED ON IT IN MARIUPOL

The article deals with the materials taken from the Khazar time burial which was found within the territory of Mariupol. There was the vessel with the incised marks on its surface (a cross and a figure reminding a menorah).

The security functions were carried out by these signs and they were depicted by a potter who might be a heathen. According to the authors the vessel dipped out from the tomb in Mariupol is a valuable evidence which reflects the complex process of spreading of the monotheistic beliefs on the Khazar territory during the VIII-IX centuries.

The main object of the activity held by the preachers was the urban population. The heathendom was a belief of the nomadic population and residents of the settlements located on the periphery of the Khanate for many centuries. Sometimes it was the heathendom itself, sometimes the heathendom got a rather strange forms bordering on the dual faith. The examined burial differentiates itself from others Khazar graves. The Khazars did not usually make burials of the dead in the deep holes. In this case the burial depth exceeds 2 metres.

Due to the extant fragments of the Abbasid dirhams and pendants they were able to date the burial date not earlier as at the beginning of the IX century. On the whole the burial we are examining is referred to the period when there were great challenges in the Khanate which affected the ideological principles of the population.

At the present time the spread of the monotheism is clearly located only in the regions where the population had a long tradition of settlements. They were directly bordered on the Byzantine Empire and the Caliphate .

Key words: *Khazar time, a burial, a vessel, monotheistic beliefs, Judaism, Christianity, heathendom, dual faith.*